

РЕЛИГИЯ, КАКЪ ОСНОВА ЖИЗНИ.

Чѣмъ держится человѣческая жизнь и чѣмъ должна держаться?

Человѣкъ есть организмъ. Характеристическимъ признакомъ организма является то, что онъ стремится уподоблять себѣ окружающую среду. Неорганическая природа не имѣетъ стремленій, камень всецѣло подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ — тяжести, температурѣ, метеорологическимъ факторамъ, наконецъ, человѣческой силѣ. Организму всегда присуща спонтанность (самопроизвольность). Подчиненный внѣшнимъ вліяніямъ, прикованный къ средѣ, онъ непремѣнно самъ воздѣйствуетъ на эту среду, можно сказать, что организмъ стремится подчинить среду себѣ, превратить ее въ себя. Какое-нибудь жалкое и неприглядное растеніе, пріютившееся гдѣ-нибудь въ мусорѣ, стремится воду, воздухъ, соли земли превратить въ свои ткани и далѣе въ ткани своего потомства. Но этотъ процессъ принятія въ себя внѣшнихъ веществъ и уподобленіе ихъ себѣ въ организмахъ растительныхъ совершается по законамъ необходимости. Механическіе факторы управляютъ растительною жизнью, и если бы даже оказались правы сторонники воззрѣнія, что существуютъ особые законы органической жизни, поднимающіеся надъ законами физическими и химическими, во всякомъ случаѣ эти законы должны быть законами природы, дѣйствующими по началамъ необходимости. Но надъ растительнымъ міромъ поднимается міръ животныхъ. Животныя, какъ и растенія, посредствомъ питанія увеличивая

свой ростъ и размножаясь, стремятся уподоблять себѣ среду. Но ихъ отношенія къ средѣ несравненно болѣе сложны. Они неравнодушны, какъ растенія, къ своимъ взаимоотношеніямъ съ средою, имъ одно пріятно, другое—нѣтъ, они обладаютъ способностію бросать непріятное и уклоняться отъ него и искать пріятнаго. Ихъ отношенія къ средѣ не носятъ характера безусловной необходимости, они реагируютъ на среду сообразно съ субъективными чувствами удовольствія и неудовольствія. Разъ у животныхъ существуютъ чувства пріятнаго и непріятнаго, то повидимому ихъ жизнь должна бы была всецѣло управляться принципомъ пріятнаго. Но оказывается, что это не совсѣмъ такъ. Жизнью животныхъ, какъ и растеній, заправляетъ еще принципъ побуждающій ихъ стремиться къ сохраненію и продолженію рода. Въ своей дѣятельности животныя проявляютъ много бессознательной цѣлесообразности. Нельзя думать, чтобы они сознательно заботились о благополучіи своего потомства, но ихъ дѣятельность часто служитъ этой цѣли. Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ они дѣйствуютъ по инстинкту—способности бессознательно производить спеціальныя (не всякія) цѣлесообразныя дѣйствія. Надъ животными поднимается человекъ. Въ немъ происходятъ всѣ растительные процессы, какъ въ растеніяхъ, онъ обладаетъ способностями имѣющимися у животныхъ, ему присущи инстинкты, но сверхъ всего этого онъ имѣетъ разумъ, сознаніе. Человекъ считаетъ себя личностію, называетъ себя „Я“ и противопоставляетъ себя окружающей средѣ, онъ дѣйствуетъ сознательно и сознательно воспринимаетъ воздѣйствія среды. Какъ и растенія и животныя, онъ подчиненъ средѣ, подчиненъ—физическимъ законамъ, но если уже животными кромѣ физическихъ законовъ руководятъ еще чувства и инстинкты, то имъ руководить еще разумъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о физическихъ основахъ жизни, постараемся разсмотрѣть, на какихъ основахъ духовныхъ строится эта жизнь.

Что начертываетъ и опредѣляетъ путь жизни cadaго отдѣльнаго человека? Прежде всего этотъ путь опредѣляется традиціей, преданіемъ.

Родился человекъ, съ нимъ и надъ нимъ совершаются дѣйствія и обряды, которые совершались съ его родителями, ближними и знакомыми. Его питаютъ той пищею, которой

питали другихъ дѣтей, его учать связывать съ тѣми или иными звуками тѣ представленія, которыя съ этими звуками связываютъ другіе. Все нужное готовятъ ему заранѣе. Для жизни младенца заранѣе приготовленъ трафаретъ. Его воспитываютъ и учать такъ, какъ воспитываютъ и учать вообще дѣтей той среды, въ которой онъ родился. Часы сна, игръ и самыя игры, часы пищи и пища, все опредѣляется традиціей. Далѣе мальчика отдають въ школу и здѣсь, оказывается, заранѣе установленъ шаблонъ, по которому нужно жить и дѣйствовать. И все послѣдующее опредѣляется предыдущимъ. Разсмотрите человѣка въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и вы увидите, что громадная часть изъ всего, что онъ скажетъ, сдѣлаетъ, можетъ быть даже подумаетъ въ эти часы, опредѣляется традиціей. Человѣкъ встаетъ. Онъ умывается. Система его умывальника, его приемы умыванья опредѣляются средой, въ которой онъ живетъ. Онъ молится, онъ произноситъ извѣстныя, опредѣленныя молитвы по положенному, онъ пьетъ чай, потому что утромъ у насъ принято пить чай. Когда онъ сидитъ за чайнымъ столомъ, когда онъ держитъ стаканъ или чашку, его манера сидѣть, держать что-либо, пить и ѣсть опредѣляется манерами среды. Отчасти сознательно, а главнымъ образомъ безсознательно жизнь человѣка опредѣляется подражаніемъ. Человѣкъ въ своей жизни подражаетъ тому, какъ живутъ другіе, окружающіе его люди. Это избавляетъ его отъ множества недоумѣній и заботъ. Какъ нужно держать себя при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ лицомъ, что говорить при свиданіи и разставаніи, все это предрѣшено, установлено. Какъ и какую готовить пищу, во что одѣваться, какъ распределять время, все это рѣшено за насъ другими. Въ каждой націи, въ каждомъ сословіи, въ каждомъ общественномъ классѣ есть свои традиции. И въ каждомъ классѣ имѣются спеціальныя традиции, опредѣляющія жизнь въ немъ мужчинъ и женщинъ. Традиція, среда, опредѣляемая традиціей, могутъ совершенно освободить человѣка отъ нужды размышлять самостоятельно, отыскивать новые пути, мучиться недоумѣніями. Человѣкъ безъ горя и сомнѣній можетъ пройти по пути протоптанному его предками и ни разу не попытаться свернуть въ сторону, чтобы узнать и испытать, какъ живутъ другіе люди.

Но какъ ни могущественна традиція, она лишь облегчаетъ жизнь, но не даетъ жизни. Традиціонный путь управляетъ движеніемъ человѣка, какъ рѣчное русло управляетъ теченіемъ воды, но вода равнодушна къ тому, куда и какъ она движется, а человѣкъ неравнодушенъ къ тому пути, который проходитъ. Положеніе, на которое толкаетъ человѣка традиція, можетъ ему нравиться или не нравиться. У человѣка существуютъ *влеченія*: одно ему пріятно, другое нѣтъ, и онъ хочетъ владѣть пріятнымъ и бѣжать отъ непріятнаго. Иногда бываетъ и такъ, что традиціонный путь нравится человѣку, но измѣнившіяся обстоятельства жизни заставляютъ его покидать этотъ путь и искать иного. Младшія поколѣнія крестьянъ желали бы оставаться на отцовскихъ земляхъ, питаться отъ земли, какъ питались ихъ отцы. Но дѣтей гораздо больше чѣмъ ихъ отцовъ, и земля, которая могла прокормить послѣднихъ, не можетъ прокормить первыхъ. Дѣти принуждены покидать отцовскій надѣлъ, покидать традиціонный строй и самостоятельно отыскивать новый путь, хотя и здѣсь немедленно въ руководство имъ являются поучительные прецеденты прошлаго. Но бываетъ иначе. Бываетъ, что все обстоитъ благополучно, традиціонный путь оказывается легкимъ и повидимому пріятнымъ, но въ душѣ человѣка зарождается безпокойный червякъ желаній, жажды новаго, неизвѣстнаго. Человѣку хочется новыхъ путей, новыхъ ощущеній. Онъ оставляетъ спокойный и уютный очагъ предковъ и пускается въ темную и загадочную неизвѣстность.

Такъ, къ консервативному началу жизни—преданію, присоединяется другое начало—прогрессивное—начало нововведеній. Человѣкъ или доволенъ или недоволенъ тѣмъ, что ему предали, обыкновенно онъ хочетъ большаго, онъ хочетъ расширять переданный ему опытъ, умножать доставшееся ему благосостояніе. Есть изреченіе, утверждающее, что человѣкъ желаетъ только того, что знаетъ (*ignoti nulla cupido*). Это—неправда. Напротивъ, человѣкъ хочетъ новаго, невѣдомаго, неизвѣстнаго. Наличная дѣйствительность не удовлетворяетъ его, установившіяся рамки житейскихъ отношеній кажутся ему тѣсными, онъ хочетъ владѣть и большею свободою и большими знаніями и большими силами, чѣмъ имѣетъ. Онъ хочетъ испытывать то, чего еще не испыты-

вать. Правда, какъ уже сказано, порою не томленіе по невѣдомымъ благамъ, но суровая необходимость сбиваетъ человѣка съ пути традиціи: континентальнаго жителя заставляетъ пускаться въ море, забывъ о страхѣ предъ водной стихіей, охотника превращаетъ въ земледѣльца, земледѣльца въ ремесленника. Правда и то, что никакая традиція не можетъ обнять все нужное человѣку, не можетъ дать ему неизмѣнныя указанія во всѣхъ случаяхъ и сторонахъ его жизни. При самомъ глубокомъ знаніи опыта предковъ и почтеніи къ этому опыту человѣку приходится порою дѣйствовать не на основаніи этого опыта, а на свой страхъ и рискъ. Но если бы только необходимость заставляла человѣка оставлять проторенный путь и искать новыхъ дорогъ, то это не завело бы его далеко. Онъ приспособлялся бы къ новымъ условіямъ, перемѣнялъ бы растительную пищу на животную или, наоборотъ, лазалъ бы по деревьямъ или плавалъ по водѣ, но эта перемѣна привычекъ и образа поведенія не была бы у него ни расширеніемъ кругозора, ни духовнымъ ростомъ. Но дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ живетъ неудовлетворенность. Тѣмъ, что онъ имѣетъ и знаетъ, онъ пресыщается и ищетъ новаго. Это желаніе новаго, исканіе неизвѣстнаго и подвигаетъ человѣка впередъ, подвигаетъ, конечно, не всегда. И когда необходимость заставлятъ человѣка сходить съ традиціоннаго пути и когда онъ дѣлаетъ это свободно по собственному почину, новыя условія могутъ оказаться неподходящими для него и ему можетъ стать хуже, чѣмъ было, но можетъ онъ оказаться и въ лучшихъ и благопріятнѣйшихъ условіяхъ, и тогда онъ окажется въ положеніи лучшемъ и вышемъ, чѣмъ то, изъ котораго вышелъ.

Все то, что переживаетъ и испытываетъ человѣкъ, доставляетъ ему или удовольствіе или неудовольствіе, степени того или другого могутъ быть и очень сильными и очень слабыми, но именно ими регулируются дѣйствія человѣка совершаемыя по личной инициативѣ. Нравится человѣку строй традиціонный, онъ беззавѣтно подчиняется ему; если его безпокойная натура жаждетъ новаго, онъ оставляетъ путь отцовъ. Повидимому, при вопросѣ о томъ—слѣдовать или нѣтъ своему влеченію къ чему-либо, человѣкъ долженъ бы былъ руководиться только соображеніями экономиче-

скаго (понимая это слово въ широкомъ смыслѣ) характера: не слишкомъ ли дорого будетъ стоить удовлетвореніе своего влеченія, можетъ быть за него придется заплатить дорогими привязанностями, лишеніями, трудами, можетъ быть въ концѣ концовъ достиженіе желаемого сомнительно или даже болѣе чѣмъ сомнительно? Но здѣсь, мы видимъ, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ въ жизни человѣка выступаетъ новое начало—сознаніе долга, обязанности. Что-то говоритъ человѣку: ты долженъ въ извѣстномъ случаѣ поступить такъ-то, хотя это тяжело, хотя никто и не упрекнетъ тебя, если ты поступишь иначе. Человѣкъ представляетъ себѣ, что онъ можетъ осуществить нѣсколько возможностей, но въ ряду ихъ одна является ему, какъ та, которую должно осуществить, осуществленіе другой можетъ ему представляться пріятной. Такимъ образомъ, должное не то же, что пріятное. Чувство долга присуще людямъ на всѣхъ извѣстныхъ намъ ступеняхъ культуры, оно можетъ быть очень своеобразнымъ, страннымъ, даже нелѣпымъ. Дикарь чувствуетъ себя обязаннымъ мстить за убитаго родственника, хотя бы онъ не любилъ этого родственника и смерть его принесла ему только выгоды (напримѣръ наслѣдство), между тѣмъ какъ попытки мстить, понятно, должны влечь за собой непріятности и опасности, но онъ *долженъ* мстить, и онъ или повинется этому сознанію долга или испытываетъ угрызения совѣсти. Спорили и спорятъ о происхожденіи чувства долга, но во всякомъ случаѣ пока несомнѣнно, что тѣ, кто отрицаютъ его сверхъестественное происхожденіе, не дали для него разумнаго естественнаго объясненія. Жаль только, что мыслители, пытавшіеся давать подобныя объясненія не понимаютъ даже трудности предпринятой ими задачи. Никто не объяснилъ происхожденія ощущенія краснаго цвѣта. Что бы ни говорили намъ о специфическихъ нервахъ, о эфирныхъ волнахъ опредѣленной длины (81 миллионныхъ сантиметра), мы понимаемъ, что эти нервы и волны нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ представленіе красноты, и что для возникновенія послѣдняго нужно еще нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ матерія нервовъ и проблематическое вещество эфира. Представленіе краснаго цвѣта можетъ явиться у меня во снѣ, когда глаза мои закрыты и на мои специфическіе нервы не дѣйствуютъ никакія специфическія волны. Какъ не объ-

яснено происхожденіе ощущеній вообще, такъ не объяснено происхожденіе основныхъ типовъ ощущеній — основныхъ цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ, все равно какъ въ химіи не объяснено происхожденіе элементовъ. Такъ не объяснено происхожденіе чувства или сознанія долга. Говорять, что чувство обязанности дѣлать или не дѣлать что-либо выработалось изъ представленія награды или наказанія за такое дѣланіе, но тѣ, кто это говоритъ, служатъ лучшимъ опроверженіемъ этой теоріи: награды и наказанія, о которыхъ говоритъ религія, не привлекаютъ и не страшатъ ихъ. Единственное, что удерживаетъ ихъ на стезѣ порядочности, это чувство долга, сознаніе обязанности исполнять требованія нравственнаго закона, для происхожденія котораго они придумываютъ нелѣпыя объясненія. Они не хотятъ понять, что не выяснено происхожденіе пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій и что представленіе ожидаемыхъ въ будущемъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій и чувство долга также не переводимы одно въ другое, какъ непередадимы ощущенія краснаго цвѣта въ соленый вкусъ. Представленія вкусовыя могутъ связываться съ представленіемъ звуковъ, но за всѣмъ тѣмъ звуки не сводимы къ цвѣтамъ, а цвѣты ко вкусамъ. Такъ и предписанія долга, которыя еще Сократомъ названы *νόμοι ἁράται* (въ Гиппії Платона) являются предъ нами какъ фактъ въ своей сущности совершенно необъясненный.

Но если происхожденіе идеи долга трудно объяснить, зато богатое содержаніе этой идеи можно выяснитъ съ достаточною опредѣленностію. У человѣка есть представленіе, что есть какой-то идеальный порядокъ, который долженъ быть осуществленъ, что не все равно законно и дозволительно, что въ своей жизни онъ долженъ выполнить нѣчто опредѣленное, положенное не имъ, но вложенное въ него и внушенное ему. У человѣка есть идея, что по отношенію къ природѣ, животнымъ и другимъ людямъ у него имѣются не только права, но и обязанности. Содержаніе этихъ обязанностей люди различныхъ націй, странъ и культуръ представляютъ различно, однако и въ содержаніи ихъ мыслится много общихъ чертъ. Вездѣ человѣку предписывается заботиться не только о себѣ, но и о другихъ. Можно даже пойти далѣе и сказать, что вездѣ предписывается о другихъ заботиться болѣе, чѣмъ о себѣ. Пусть изъ ряда этихъ другихъ

выбирается что-либо особенное и исключительное (отечество, племя, родъ, какія-либо святыни), но все-таки вездѣ мы видимъ, что для человѣка отыскивается нѣчто, чему онъ долженъ служить, внѣ его самого. Рядомъ съ представленіемъ о томъ, что должно исполнять обязанности, въ душѣ человѣка живетъ сознаніе, что за исполненіе ихъ человѣка ожидаетъ возмездіе. Обычай родовой мести указываетъ, что человѣку присуще сознаніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ онъ самъ необходимо долженъ являться орудіемъ возмездія. Возмездіе должно возстановлять нарушенный порядокъ. Возстановленіе совершается черезъ наказаніе того, кто нарушилъ установленное.

Отвлекаясь отъ обсужденія частныхъ формъ быта и частныхъ представленій объ обязанностяхъ, мы получимъ, что слѣдующія начала управляютъ человѣческой жизнью.

1) Необходимость природная. Окружающая природа и природа самого человѣка дѣлаютъ для него необходимымъ одно, невозможнымъ другое, нужнымъ третье. Человѣку необходима пища, питье, сонъ; для человѣка невозможно собственными усиліями вырывать деревья и передвигать горы, человѣку бываютъ нужны одежда, жилища. Утомленіе заставляетъ человѣка искать отдыха во снѣ, непогода—прятаться въ убѣжищѣ.

2) Преданіе, обычай, наслѣдственныя формы жизни. Они рѣшаютъ за человѣка, какъ и что ему нужно дѣлать. Они представляютъ собою конденсированный опытъ вѣковъ, наслѣдство, которое можетъ до minimum'a сократить сферу самостоятельности человѣка. Значеніе этого наслѣдства понято историками, но его рѣдко понимаютъ философы. Когда хотятъ во всемъ усумниться, чтобы дойти до достовѣрной истины, когда хотятъ вывести все существующее изъ мысли самой себя мыслящей, или утвердить всѣ взгляды и убѣжденія на научномъ основаніи, тогда обыкновенно вмѣстѣ съ мыслящей себя мыслью или чѣмъ-либо инымъ вводятъ въ систему безмѣрное количество традиціонныхъ понятій, взглядовъ, убѣжденій, не замѣчая, что они принимаются, какъ сами собой данныя, какъ безспорныя и непререкаемыя истины. Между тѣмъ какъ многія изъ нихъ безспорны и непререкаемы только въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Когда человѣкъ говоритъ: я порвалъ съ моимъ прошлымъ, онъ

всегда говорить неправду. Съ прошлымъ порвать нельзя. Можно перемѣнить государство, религію, занятія, можно стать лучше и хуже, но, не говоря о томъ, что нельзя перемѣнить своей природы, нельзя всецѣло и перевоспитать себя. Перевоспитаніе—вообще представляющее собою страшную трудность—можетъ направляться на отдѣльныя привычки, на отдѣльныя стороны характера, но никогда не можетъ обнять всего человѣка. Затѣмъ и перевоспитаніе можетъ идти успѣшно подъ воздѣйствіемъ примѣра, среды, т.-е. здѣсь происходитъ смѣна одной традиціи другой, подражанію одному заступаетъ мѣсто подражаніе другому. Физическая природа и воздѣйствіе духовной среды опредѣляютъ человѣка; бываетъ, что природа заставляетъ измѣнять или приспособлять къ себѣ требованія обычая, но окружающая природа, все равно какъ и обычаи, не измѣняется мгновенно, а въ нѣкоторой мѣрѣ и человѣкъ можетъ не только приспособляться къ природѣ, но и приспособлять ее къ себѣ.

3) Личныя влеченія, наклонности человѣка. Содержаніе ихъ, конечно, вырастаетъ и развивается на той почвѣ, на которой живетъ человѣкъ, но они обыкновенно направляются дальше того, что дано и извѣстно человѣку.

4) Наконецъ, долгъ. Онъ является въ видѣ повелителя, приказывающаго дѣйствовать или вопреки влеченіямъ или согласно съ ними. Его можно не слушаться, но съ нимъ нельзя спорить: его требованія представляются безусловно справедливыми и обязательными.

Размышляя объ этихъ началахъ, на которыхъ строится человѣческая жизнь, мы легко можемъ увидѣть, что они опираются на нѣкоторыя предположенія, которыя можетъ быть нельзя доказать, трудно выяснитъ, но въ которыя человѣкъ необходимо долженъ вѣрить. Таковы предположенія существованія свободы и Провидѣнія.

Свобода. Человѣкъ признаетъ, что онъ свободенъ, т.-е. что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ можетъ рѣшиться поступать, какъ ему угодно, и что онъ можетъ употребить всѣ имѣющіяся у него силы для достиженія избраннаго имъ результата. Эта увѣренность человѣка въ своей свободѣ вытекаетъ изъ признанія, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможенъ не одинъ, а нѣсколько способовъ дѣйствія.

Вотъ—исторія міра дошла до настоящаго момента. На вопросъ: слѣдующій моментъ этой исторіи, выполнѣ ли опредѣленъ предшествующимъ или нѣтъ? Непосредственное сознаніе человѣка отвѣчаетъ: нѣтъ; эта исторія опредѣлится еще нашими рѣшеніями, характеръ которыхъ не стоитъ въ безусловной зависимости отъ предшествующей міровой исторіи. Человѣкъ считаетъ, что онъ находится въ двойственномъ отношеніи къ міру: во 1) и главнымъ образомъ онъ стоитъ въ зависимости отъ міра, онъ подчиненъ законамъ физической необходимости и вообще воздѣйствіямъ среды: во 2) онъ самъ можетъ воздѣйствовать на міръ и онъ даже считаетъ себя обязаннымъ воздѣйствовать на него возвышающимъ образомъ, въ стихійную жизнь природы онъ хочетъ вложить разумное начало, человѣкъ чувствуетъ себя нравственно свободнымъ; въ нѣкоторомъ отношеніи властелиномъ и вождемъ природы. Человѣкъ есть часть—все равно хотя и очень малая—міра. Часть можетъ быть связана съ цѣлымъ двоякимъ образомъ: она можетъ стоять съ цѣлымъ или въ безусловной или въ относительной зависимости. Представимъ себѣ литой металлическій шаръ; положеніе каждой его части опредѣляется съ безусловной точностію его общимъ положеніемъ. Если мы изберемъ на этомъ шарѣ три какія угодно точки (только не лежація на одной прямой линіи), то перемѣщеніе этихъ трехъ точекъ выполнѣ и безусловно точно опредѣлитъ перемѣщеніе и положеніе какой угодно части шара. Здѣсь часть безусловно соединена съ цѣлымъ. Но отношеніе части къ цѣлому можетъ быть инымъ. Представимъ себѣ, что къ большому шару мы прикрѣпили при помощи шнурка въ четверть длиною еще маленькій шарикъ. Такихъ маленькихъ шариковъ можно прикрѣпить много къ поверхности большого, вмѣстѣ съ большимъ они составятъ одно новое цѣлое, но ихъ связь съ цѣлымъ не будетъ безусловною. Если мы сообщимъ движеніе центральному большому шару, маленькіе послѣдуютъ за нимъ, но, участвуя въ движеніи съ нимъ, они могутъ еще совершать различныя движенія въ сферахъ, радіусами которыхъ являются ихъ шнурки прикрѣпленія. Ихъ движенія въ этихъ сферахъ производятся силами независящими отъ центральнаго шара. Такъ хотя судьба маленькихъ шаровъ опредѣляется судьбою большаго, хотя они находятся въ громадной зави-

симости отъ нихъ, однако они имѣютъ и относительную свободу, и эта свобода такова, что нѣкоторымъ—хотя и весьма слабымъ образомъ—они сами могутъ воздѣйствовать на шаръ центральный. Въ такомъ отношеніи, въ какомъ находится маленькій шарикъ къ большому, мыслить себя человѣкъ къ міру. Но есть здѣсь и нѣкоторая разница. Движенія маленькаго шарика независимыя отъ большаго шара производятся какою-либо силою находящейся внѣ шарика (вѣтромъ, тяжестью, рукою), для своихъ самостоятельныхъ движеній послѣднюю причину человѣкъ полагаетъ въ самомъ себѣ.

Человѣкъ непосредственно чувствуетъ и сознаетъ себя свободнымъ, поэтому ученіе о человѣческой свободѣ имѣетъ чисто опытное происхожденіе. Конечно, не путемъ отвлеченныхъ и философскихъ соображеній древній египтянинъ и современный дикарь пришли къ признанію своей отвѣтственности за свои дѣянія. Напротивъ, философская мысль очень рано стала склонять человѣка къ заключенію, что его представленіе о своей свободѣ только жалкая и обманчивая иллюзія. Философскій анализъ дѣйствительности далъ тотъ первый выводъ, что дѣйствительность не такова, какою кажется; приложенный къ человѣку, этотъ анализъ привелъ къ выводу, что и человѣкъ не то, чѣмъ онъ себя считаетъ. Человѣку, кажется, что онъ самъ свободно рѣшилъ отправиться въ далекія страны учиться мудрости, на самомъ дѣлѣ, говорятъ, тысячи неуловимыхъ воздѣйствій съ необходимостію привели его къ этому рѣшенію. Таково разсужденіе детерминизма—ученія отрицающаго свободу человѣка: То обстоятельство, что детерминизмъ предполагаетъ неуловимыя воздѣйствія, ясно показываетъ, что детерминизмъ не опытнаго, а теоретическаго происхожденія. Единственнымъ основаніемъ его въ дѣйствительности является то, что люди руководятся очень плохую теоріею причинности. Теорія эта такова. Все въ мірѣ совершается по механическимъ законамъ необходимости. Теорія эта необходима человѣку для того, чтобы онъ могъ дѣйствовать свободно. Человѣкъ соображающій, какія послѣдствія произведутъ тѣ или другія его дѣйствія, повятно, предполагаетъ, что все кромѣ того, что онъ имѣетъ совершить по своему рѣшенію, произойдетъ съ необходимостію. Отсюда философія легко под-

сказывала мысль, что и въ немъ та же необходимость. Какую онъ предполагаетъ во внѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ легко усвояетъ взглядъ на дѣйствительность, какъ на потокъ явленій, начало котораго скрывается гдѣ-то тамъ въ недосигаемой безконечности, отсюда каждый предметъ, каждое существо, самого себя онъ начинаетъ разсматривать какъ что-то срединное, промежуточное, что то вполне опредѣляемое предшествующимъ, просто явленіе, само по себѣ не имѣющее значенія, промежуточное звено между прошедшимъ и будущимъ. Но все это легко и удобно только въ теоріи, гдѣ можно игнорировать требованія дѣйствительности, обходить трудности вопроса и формальными рѣшеніями и бессознательными софизмами прикрывать ложь своего взгляда. На самомъ дѣлѣ, еслибы причинность была необходимостію, то въ мірѣ было бы только продолженіе, но не было бы развитія. И прогрессъ и регрессъ въ мірѣ предполагаютъ, что въ причинности заключается свобода. Человѣкъ собственно и мыслить причину, какъ свободную силу. Мы не говоримъ и не мыслимъ, что причина существованія стола въ настоящее мгновеніе есть существованіе его въ мгновеніе предшествующее, между тѣмъ, еслибы причинность была необходимостію, то тогда всегда существовало бы одно и то же, но мы не ищемъ причины стараго, мы ищемъ причины новаго, причины возникновенія того, что не существовало прежде. Причинность, какъ необходимость, не допускаетъ ни приращенія, ни умаленія; но въ мірѣ постоянно наблюдаются явленія того и другого характера. Вотъ почему подъ причиною въ собственномъ смыслѣ позволительно мыслить силу той или иной напряженности, которая можетъ свободно располагать собою въ томъ или другомъ пространствѣ, въ то или иное время. Я могу поднять три пуда, вотъ—моя сила, я не могу поднять болѣе, но я могу свободно распредѣлять эту силу—поднимать тяжесть въ различныхъ мѣстахъ различными частями и въ различное время. Противники свободы воли не хотятъ замѣтить, что въ ихъ ученіи о необходимости много и непонятнаго и необоснованнаго. Самое понятіе о необходимости въ приложеніи къ духу требуетъ разъясненія, котораго доселѣ еще не дано. Въ физическомъ мірѣ для опредѣленія и вычисленія механическихъ движеній совершающихся съ необходимостію имѣется законъ па-

параллелограмма силъ, его хотять перенести въ міръ духовный, но приложенія его здѣсь понять нельзя. Въ мірѣ физическомъ законъ параллелограмма силъ говоритъ: если тѣлу сообщаютъ толчекъ двѣ силы подѣ некоторымъ угломъ, то оно пойдетъ по нѣкоторому среднему направленію. Если теченіе отклоняетъ лодку къ берегу вправо, а вы направляетъ ее влѣво, то она пойдетъ вдоль рѣки. Такъ въ физическомъ мірѣ. Но въ мірѣ духовномъ иначе. Если одни мотивы влекутъ васъ въ Томскъ, а другіе—въ Москву, то вы пойдете, конечно, не по среднему направленію, а выберете что-либо одно: Томскъ или Москву. Затѣмъ, сторонники детерминизма всѣ явленія душевной жизни хотять истолковать изъ воздѣйствія окружающаго насъ міра, но откуда приходитъ нашъ духъ, что создаетъ его, это никому неизвѣстно. Его тѣсная связь съ тѣломъ не доказываетъ, чтобы онъ былъ порожденіемъ тѣла. Маленькій птенчикъ попалъ въ западню, онъ живетъ и растетъ въ западнѣ и его судьба тѣснѣйшимъ образомъ связана съ послѣднею, съ тѣмъ кормомъ, который сыплютъ въ нее, съ тѣмъ мѣстомъ, въ которое ее ставятъ или на которомъ она виситъ. Но однако, если въ мірѣ царитъ и безусловная необходимость, жизнь птенчика не можетъ быть истолкована изъ его западни, эта жизнь опредѣляется иными законами физиологическими и біологическими. Безъ сомнѣнія, нельзя далеко вести параллель между западнею и птичкою съ одной стороны и тѣломъ и душой съ другой, но позволительно отмѣтить нѣкоторое подобіе. Законы духа иные, чѣмъ законы бытія матеріальнаго, при извѣстныхъ условіяхъ духъ связывается съ матеріею тѣснѣйшимъ образомъ, но однако кромѣ матеріи на него могутъ продолжать дѣйствовать иныя силы и его развитіе можетъ совершаться по законамъ иного порядка. Маленькій шарикъ привязанный къ большому доступенъ еще инымъ воздѣйствіямъ, чѣмъ воздѣйствіе шара, къ которому прикрѣпленъ. Такъ и духъ человѣка можетъ быть открытъ для иныхъ вліяній и воздѣйствій кромѣ физическаго міра.

Теорія утверждающая, что жизнь духа течетъ по законамъ необходимости, нисколько не облегчая изученіе какихъ бы то ни было явленій и фактовъ, дѣлаетъ безусловно непонятными многіе факты и нормы, управляющіе жизнію духа—

непонятными являются происхождение и существованіе идей нормальнаго и ненормальнаго, добраго и злаго, законнаго и незаконнаго, безусловно непонятнымъ является чувство долга. На самомъ дѣлѣ, какъ могла бы явиться идея незаконнаго, еслибы въ мірѣ все совершалось по законамъ необходимости, и какою жалкою комедіею являлся бы судъ надъ преступникомъ, еслибы не было свободы. Преступникъ, совершившій возмутительнѣйшее преступленіе, съ точки зрѣнія детерминизма совершилъ лишь то, что долженъ, обязанъ былъ совершить. Негодованіе общества обращенное на преступника это тоже необходимый фактъ, но фактъ въ сущности очень глупый, потому что негодованіе обращено совсѣмъ не по адресу—негодованіе должно быть обращено на первую причину всего существующаго, которое создало въ преступникѣ начало, причиняющее страданія тварямъ. Парадируя Гегеля, можно было бы сказать, что это было бы негодованіемъ первопричины на саму себя посредствомъ конечнаго факта. Колебанія человѣка при рѣшеніи вопроса о томъ, какъ поступить въ томъ или иномъ случаѣ, есть въ сущности то же самое, какъ еслибы пушечное ядро, одаренное человѣческими душевными способностями, стало бы размышлять и впадать въ сомнѣнія о томъ, куда направить свой полетъ, когда въ пушкѣ произойдетъ взрывъ пороха. Въ концѣ концовъ ядро должно будетъ представить, что оно свободно движется на той траекторіи, которая на самомъ дѣлѣ опредѣляется силой и направленіемъ верженія, вѣсомъ ядра, притяженіемъ земли, сопротивленіемъ среды. Безусловно непонятными съ точки зрѣнія детерминизма являются идеалы, направляющіе человѣка *exelsior*. По необходимости человѣкъ создаетъ себѣ цѣль и по необходимости направляется къ ней, но какъ же необходимость могла принудить его создать нѣчто большее и высшее, чѣмъ было въ немъ, и дала ему силы подняться по направленію къ этому высшему? Это похоже, какъ еслибы необходимость заставила человѣка поднять себя самого на воздухъ за собственные волосы.

Говорятъ, что непосредственное чувство свободы присущее намъ и наше сознаніе немолчно свидѣтельствующее намъ, что мы свободны, не могутъ имѣть значенія безспорныхъ свидѣтельствъ. Изъ субъективной необходимости мысли и

чувства не слѣдуетъ объективная необходимость вещи. Этотъ невозможный тезисъ свидѣтельствуешь о томъ, что свобода человѣка далеко не такъ ограничена, какъ представляютъ это себѣ нѣкоторые скромные защитники свободы: вѣдь, этотъ тезисъ невозможно мыслить и однако оказывается его возможно утверждать и дальше можно строить на немъ громадныя, хотя и фантастическія зданія. На самомъ дѣлѣ. вникнемъ въ этотъ тезисъ: мы говоримъ, что мое предположеніе свободы, которымъ я руководжусь во всѣхъ дѣйствіяхъ и разсужденіяхъ, ошибочно, что я не свободенъ. Но этотъ выводъ о моей несвободѣ и о своей собственной несвободѣ мой противникъ вывелъ изъ посылокъ, въ которыхъ представлялъ себя свободнымъ. Онъ *старался выбирать* наиболѣе ясныя и убѣдительныя аргументы для своего тезиса, онъ искалъ этихъ аргументовъ въ своемъ собственномъ духѣ и окружающей дѣйствительности, но выбираютъ и ищутъ только существа свободныя. Когда его *попытки* убѣдить меня оказались тщетными, онъ разсердился на мою неспособность понимать простыя и неоспоримыя вещи, но изъ чувства деликатности онъ *постарался* сдержать свое раздраженіе. Въ самой блестящей и сжатой аргументаціи детерминизма можно десятками подчеркивать тезисы автора о его личной свободѣ и отвѣтственности. Такимъ образомъ всякая защита детерминизма представляетъ собою *contradictio in adiecto*, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Такую судьбу постигаетъ и всякое разсужденіе и несоотвѣтствіи мышленія бытію. За всѣмъ тѣмъ понять, почему такія разсужденія существуютъ и упорно держатся, нетрудно: выводы нашего мышленія часто оказываются ошибочными, потому что они неправильно строятся, потому что матеріалъ, изъ котораго они дѣлаются, или недостаточенъ или ошибочно истолкованъ. Необходимость заставляетъ насъ дѣлать индуктивныя заключенія—заключенія нестрогія, а потомъ эти заключенія начинаютъ приобретать въ нашихъ глазахъ значеніе какихъ-то апріорныхъ истинъ, анализъ показываетъ, что эти апріорныя истины совсѣмъ можетъ быть и не истины, отсюда шагъ къ самому себя отрицающему абсолютному скептицизму.

Человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ, его сознаніе говоритъ ему, что онъ свободенъ. Предположеніемъ своей лич-

ной свободы и свободы другихъ людей онъ руководится во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни. Теоретическое положеніе детерминизма никогда, ни на одну минуту ни для кого не можетъ стать практическимъ правиломъ жизни. Пусть сторонники детерминизма говорятъ, что они несвободны. Если собрать все сказанное въ жизни какимъ-либо упорѣйшимъ детерминистомъ, то окажется, что въ отношеніи къ этому всему его тезисы и разсужденія о детерминизмѣ представляютъ такую ничтожную величину, которая должна быть выражена дробью, имѣющею знаменатель со многими нулями. Можетъ быть скажутъ, что въ другихъ сферахъ практической способъ дѣйствій и обыкновенный образъ выраженій стоитъ въ несогласіи съ научными теоріями, что астрономъ въ своей жизни гораздо больше говоритъ о движеніяхъ солнца и звѣздъ, которыя не существуютъ, чѣмъ о движеніяхъ земли, которыми обуславливаются наши представленія о движеніи свѣтилъ. Это—совсѣмъ другое дѣло. Въ нашемъ словоупотребленіи выраженія: солнце *зашло*, луна *вступила* въ меридіанъ, слова „зашло“, „вступило“ имѣютъ условный смыслъ и ни одинъ образованный чловѣкъ не усумнится въ ихъ истинномъ значеніи. Наоборотъ, когда я говорю о какомъ-либо своемъ поступкѣ, положимъ, я чѣмъ-либо причинилъ вредъ своему ближнему, когда я говорю о подобномъ дѣйствіи: я сдѣлалъ это *по необходимости*, мнѣ никто не вѣритъ, и люди искренно ко мнѣ расположенные подъ необходимостію будутъ разумѣть въ данномъ случаѣ, что у меня было достаточно побужденій, оправдывающихъ или извиняющихъ мой поступокъ, но что за всѣмъ тѣмъ я могъ и не слѣдовать этимъ побужденіямъ.

Исторія личности, равно какъ и исторія обществъ и чловѣчества стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ ученіемъ детерминизма. Еслибы это ученіе было справедливо, то процессъ развитія чловѣка и чловѣчества долженъ бы былъ состоять въ томъ, что фактъ необходимости всего совершающагося все яснѣе и яснѣе представлялся бы развивающимся по необходимости обществамъ и индивидуумамъ и они все покорнѣе и покорнѣе склонялись бы предъ этою несокрушимою силою. Происходитъ на самомъ дѣлѣ совершенно обратное. Чловѣкъ въ утробѣ матери находится въ безусловной зависимости отъ материнскаго организма, не

имѣетъ онъ и духовной свободы, мало у него свободы и тогда, когда онъ лежитъ заключенный въ пеленки. Чѣмъ онъ дальше растетъ и развивается, тѣмъ больше свободы представляется ему отвнѣ, тѣмъ больше различныхъ возможностей открываются ему внутри въ его духѣ. Чѣмъ болѣе онъ развивается самъ, тѣмъ менѣе онъ становится зависимымъ отъ окружающихъ, процессъ развитія его „я“ есть процессъ самоосвобожденія. Что справедливо относительно индивидуумовъ, то справедливо относительно обществъ. Чѣмъ ниже въ культурномъ отношеніи стоитъ народъ, тѣмъ больше въ немъ всякаго рода связывающихъ цѣлей. Некультурный человѣкъ—рабъ предразсудковъ, обычаевъ, рабъ чужихъ взглядовъ, и обыкновенно законы некультурныхъ народовъ нисколько не уважаютъ свободы личности. Чѣмъ выше поднимается народъ въ умственномъ отношеніи, тѣмъ больше является въ немъ свободы, тѣмъ большимъ открывается просторъ для дѣятельности въ немъ. И человѣкъ любитъ свободу, и всякое стѣсненіе свободы является для него тяжелымъ и иногда даже мучительнымъ. Такъ, человѣкъ, исходя въ своей дѣятельности изъ непосредственнаго сознанія своей свободы, стремится въ своей дѣятельности еще больше утверждать свободу своей личности, независимость въ возможно большихъ отношеніяхъ—вотъ идеаль каждаго. Различнымъ образомъ стремятся къ пріобрѣтенію независимости. Одни стараются пріобрѣсть возможно больше денегъ, полагая, что матеріальная обезпеченность сдѣлаетъ ихъ независимыми. Но къ нимъ приходятъ болѣзни, которыя угнетаютъ ихъ, и у нихъ развиваются привычки, которымъ они подчиняются, какъ рабы. Христіанскіе аскеты стремятся къ свободѣ иначе. Они признаютъ, что истинная свобода заключается въ освобожденіи отъ подчиненія темнымъ наклонностямъ своего духа и грѣховнымъ влеченіямъ плоти. Никакія внѣшнія средства (деньги, общественное положеніе) не избавятъ человѣка отъ этихъ властителей, и аскетъ пытается избавиться отъ этихъ владыкъ путемъ самоусовершенствованія.

Первыя произвольныя движенія младенца безъ сомнѣнія имѣютъ своимъ источникомъ темное чувство въ себѣ способности къ свободнымъ движеніямъ, каждый актъ въ жизни человѣка вытекаетъ изъ сознанія своей свободы, и дѣятель-

ность человѣка обыкновенно направляется на расширеніе сферы, въ которой могла бы проявляться его свобода.

Нѣкоторые серьезно полагаютъ и неоднократно высказываютъ, что признаніе свободы стоитъ въ противорѣчій съ принципами и методами науки. Полагаютъ, что наука необходимо должна предполагать между фактами связь необходимости, что съ научной точки зрѣнія всякое явленіе есть необходимое слѣдствіе предшествующихъ условій, всякая комбинація явленій можетъ дать только одинъ необходимо вытекающій изъ нея результатъ. Съ этой точки зрѣнія при достаточномъ знаніи можно съ непогрѣшимою точностію предсказывать всякаго рода событія будущаго и возстановлять событія отдаленнаго прошедшаго. Въ этихъ разсужденіяхъ защитниковъ детерминистической науки правда перемѣшана съ ложью, предположенія дѣйствительно необходимы поставляются здѣсь рядомъ съ предположеніями невѣрными, невозможными и вредными. Связь необходимости между явленіями должна существовать, ибо иначе, если бы ея не существовало, свободныя существа не могли бы дѣйствовать. Всякое свободное дѣйствіе, направляемое на ту или иную комбинацію элементовъ, руководится предположеніемъ, что въ физической средѣ явленія въ элементахъ подчинены законамъ необходимости, а въ существахъ чувствующихъ они подчинены то же законамъ, но не такимъ, чтобы духовныя явленія можно напередъ высчитывать и предрекать математически. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ, какіе роды связей существуютъ между явленіями, а не рѣшать а priori что существуетъ лишь связь необходимости. Сторонники воззрѣнія признающаго лишь такую связь не хотятъ замѣтить, что ихъ міровоззрѣніе не возвышается надъ тѣмъ, что начальная алгебра называетъ уравненіями первой степени. Они полагаютъ, что всякая совокупность данныхъ обуславливаетъ лишь одинъ результатъ, что всякій правильный вопросъ, всякая опредѣленная задача допускаютъ лишь одно рѣшеніе. Но это невѣрно. Если задача: десятая часть неизвѣстнаго числа равна десяти, найти это число, допускаетъ лишь одно рѣшеніе: неизвѣстное число равно ста, то есть множество иныхъ вопросовъ, отвѣты на которые выражаются иначе. Возьмемъ для рѣшенія такую задачу. Нѣкто купилъ кроликовъ. Они у него

размножились такъ, что число ихъ стало равно числу при покупке помноженному самому на себя; затѣмъ владѣлецъ кроликовъ прикупилъ еще триста и тогда у него оказалось кроликовъ въ сорокъ разъ больше, чѣмъ сколько было куплено первоначально. Сколько было куплено кроликовъ сначала? Задача вполне опредѣленная. Легко убѣдиться, что число 30 удовлетворяетъ ея условіямъ. $30 \times 30 = 900$; $900 + 300 = 1200 = 40 \times 30$. Но также легко убѣдиться, что и число 10 удовлетворяетъ условіямъ задачи. $10 \times 10 = 100$; $100 + 300 = 400 = 40 \times 10$. Всякая попытка подставить вмѣсто 30 и 10 какое-либо иное число оказывается невозможной. Задача имѣетъ два рѣшенія и только два. Наивно прямолинейная логика подсказываетъ повидимому такое положеніе: задача, если она неопредѣленна, допускаетъ безконечное число рѣшеній (разность двухъ чиселъ равна десяти; найти эти числа?); если опредѣленна, допускаетъ одно рѣшеніе. Но логика и знаніе немного расширенныя наставляютъ, что задачи вполне опредѣленныя могутъ имѣть нѣсколько рѣшеній. И это въ области, гдѣ безспорно царствуетъ необходимость и гдѣ условія просты и несложны. Несомнѣнно, что логика и познанія наши должны быть безгранично расширены и углублены, чтобы правильно трактовать связь явленій нравственного и интеллектуальнаго порядка.

Понять свободныя дѣйствія, свободную связь трудно. Этого нельзя оспаривать, но и связь необходимости понять *также* трудно и кто думаетъ, что онъ ее понялъ, тотъ на самомъ дѣлѣ не понялъ ничего. Есть старый парадоксъ Зенона: летящая стрѣла неподвижна. Когда стрѣла занимаетъ какое-либо мѣсто, она неподвижна, ибо движеніе состоитъ въ удаленіи изъ какого-либо пункта, но въ каждый данный моментъ времени летящая стрѣла занимаетъ какое-нибудь мѣсто, слѣдовательно, она неподвижна во все время своего движенія. Замѣнимъ эту стрѣлу возможно наименьшимъ количествомъ матеріи съ наименьшимъ количествомъ свойствъ—абсолютно твердымъ атомомъ. Пусть этотъ атомъ движется по прямой АС, пусть онъ прошелъ путь АВ, почему онъ долженъ по необходимости далѣе продолжать тотъ же путь по прямой линіи? Особенно наглядно трудность [понять движеніе открывается при разсмотрѣніи вопроса о передачѣ движенія. Атомъ *a* въ своемъ движеніи точкою *b* коснулся

точки *c* атома *cd* и передать ему нѣкоторую долю своего движенія. Какъ могла совершиться эта передача? Для простоты предположимъ ударъ центральнымъ (т.-е. что точка столкновенія *c* лежитъ на прямой линіи, соединяющей центры атомовъ). Въ атомѣ *ab* не можетъ происходить никакихъ молекулярныхъ движеній, въ атомѣ *cd* ихъ тоже не происходятъ. Движеніе атома *cd* послѣ толчка должно начаться съ точки *d* (діаметрально противоположной точкѣ *c*), но *b* дѣйствуетъ не на *d*, а на *c*. Но *c* не имѣетъ возможности двигаться подѣ дѣйствіемъ этого толчка, ибо все пространство на пути движенія передъ *c* наполнено массою атома *cd*, для *c* можетъ быть освобождено мѣсто только движеніемъ, начавшимся съ *d*. Но мы не видимъ причины этого движенія и у насъ получается, что движеніе возникаетъ не тамъ, гдѣ есть причина, а тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Для насъ непонятно сохраненіе бытія, еще болѣе для насъ непонятно преобразование явленій. Мы должны стремиться познавать законы бытія все болѣе и болѣе. Но сторонники всеобщаго физическаго детерминизма стремятся не къ познанію бытія, а къ отрицанію всего того, что не подходитъ подѣ образованную ими крайне жалкую концепцію міра. Міровая жизнь, это только круговоротъ матеріи, ассоціація и диссоціація химическихъ элементовъ. Процессъ этотъ безначаленъ, безконеченъ и безцѣленъ. Въ этомъ процессѣ въ сущности нѣтъ даже ни свѣта, ни звука, ни тепла, ни холода, ни запаховъ, ни вкусовъ. Все это—наши субъективныя состоянія, которыя мы переносимъ на міръ. А міръ есть движеніе атомовъ не имѣющихъ цвѣта, не звучащихъ, не имѣющихъ температуры. Человѣческій разумъ и человѣческое чувство, запутавшіяся въ этой матеріи, напрасно пытаются все это осмыслить и преобразовать для какихъ-то благихъ цѣлей. Порядокъ, который существуетъ нынѣ, будетъ существовать всегда, потому что, еслибы былъ возможенъ лучший порядокъ во вселенной, онъ бы уже осуществился. Зло и скорбь всегда были и всегда будутъ. Міръ, не понимая и не созная, будетъ вѣчно производить тѣ явленія, которыя производилъ вчера и третьяго дня. Такъ какъ всѣ явленія міра происходятъ въ матеріи, а все совершающееся въ матеріи происходитъ по законамъ необходимости, то поэтому и вся міровая жизнь, вся совокупность нынѣ существующихъ явле-

ній представляет собою необходимое слѣдствіе условій предшествовавшихъ и то, что произойдетъ завтра, всецѣло и вполне опредѣлено тѣмъ, что существуетъ нынѣ. Безсмысленное движеніе атомовъ, молекулъ, частицъ, образующихъ міровыя скопленія. Безсмысленно возникающая жизнь. Безсмысленный естественный отборъ, безцѣльно отбирающій случайно оказавшіяся наиболѣе приспособленными къ условіямъ среды живыя существа. Безсмысленно—страдальческій процессъ случайно возникшей разумной жизни, стремящейся найти истину и достигнуть счастья и вмѣсто этого претерпѣвающей скорбь и имѣющей въ будущемъ погибнуть. Но какъ ни бѣдна идеями и какъ ни скорбна эта міровая концепція, она однако украшенная риторическими фразами, развитая въ красивыхъ подробностяхъ и неясно представленная въ самомъ существенномъ, производитъ могучее вліяніе на умы, поработачаетъ ихъ, заставляетъ наблюденіе бояться фактовъ, которые не согласуются съ этою концепціею, и заставляетъ мысль бояться выводовъ, обращающихся противъ этой концепціи. Но завсѣмъ тѣмъ, противорѣча себѣ, сторонники этой концепціи живутъ и дѣйствуютъ, руководясь, какъ и всѣ люди, принципами иного порядка—принципами долга и свободы. И не только они дѣйствуютъ, они и мыслятъ на основаніи этихъ принциповъ. Такъ у нихъ слова оказываются въ противорѣчій съ дѣлами и помысленіями.

Долгъ часто сталкивается съ влеченіемъ. Наклонности влекутъ человѣка въ одну сторону, долгъ призываетъ въ иную. Признаніе существованія долга есть вмѣстѣ признаніе свободы. Долгъ есть то, что должно исполнить, и что, слѣдовательно, можно не исполнять. Вмѣстѣ съ признаніемъ свободы долгъ требуетъ признанія цѣлей въ процессѣ міровой жизни, признанія того, что называется цѣлесообразностію. Всякое „должно“ предполагаетъ собою цѣль. Если должно поступать такъ-то, то непременно для чего-нибудь. Нужно достигать добра и осуществлять добро. Люди сознаютъ, что не все то, что существуетъ, должно существовать, что должно существовать многое, что не существуетъ, и что многое изъ существующаго должно было бы измѣниться, чтобы удовлетворять нѣкоторымъ требованіямъ, которыя должны быть предъявляемы къ существующему. Это сознаніе люди прежде

всего направляютъ на свой собственный духъ и находятъ, что многое, присущее ему, должно бы быть удалено изъ него, какъ, наприм., помысленія злыя, бурныя движенія сердца, и что многое должно бы быть привлечено въ него. Съ идеею добра у людей въ общемъ связывается гораздо болѣе богатое содержаніе, чѣмъ съ идеею истины. По отношенію къ истинѣ, вообще говоря, признають, что она есть и что ее должно искать, но на вопросъ, въ чемъ она заключается?—даются крайне разнорѣчивые отвѣты. Что касается до вопроса о томъ, что признавать добрымъ или нормальнымъ, то здѣсь оказывается гораздо болѣе согласія: человекъ, любящій брата своего, признается болѣе соответствующимъ нормѣ, чѣмъ человекъ не любящій брата; отсюда человекъ, стремящійся воспитать въ сердцѣ своемъ любовь къ брату—разумѣя подъ братомъ вообще человека—и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ во имя любви, является служащимъ идеѣ добра. Служеніе добру должно заключаться въ томъ, чтобы всѣми силами стараться содѣйствовать установленію въ мірѣ нормальнаго порядка. Я питаю недобрыя чувства къ нѣкоторымъ лицамъ, это—ненормальность, я долженъ стремиться уничтожить ее, т.-е. заглушить эти чувства. Я вижу человека, дрожащаго отъ холода, онъ страдаетъ, страданіе есть ненормальность, въ моихъ силахъ въ данномъ случаѣ уничтожить это страданіе: я имѣю лишнюю теплую одежду и долженъ отдать ее бѣдняку. Содѣйствовать умноженію любви въ мірѣ и стремиться уничтожить страданіе, вотъ—задача человека служащаго добру. На это возражаютъ, что добро не есть высшее требованіе, а лишь субъективное требованіе человеческой природы, что волкъ по естественному закону долженъ питаться ягнятами, и что слѣдовательно при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи ни о всеобщемъ уничтоженіи страданій, ни о всеобщей любви. Но то обстоятельство, что вся историческая жизнь человечества самыми людьми всегда мыслилась и мыслится какъ борьба за добро, показываетъ, что люди никогда не признавали и не признають въ глубинѣ своего духа теоріи субъективности добра. Они руководятся въ своей дѣятельности убѣжденіемъ, что хотя міръ несовершенъ, онъ стремится къ совершенству, что если онъ и не наилучшій изъ всѣхъ міровъ, то онъ можетъ стать наилучшимъ. Теорія развитія

(эволюціи) вѣдь въ своемъ существѣ содержитъ вѣру въ имѣющее быть достигнуто совершенство міра. На этой вѣрѣ построены гипотезы о происхожденіи солнечной системы, о происхожденіи и развитіи растительной и животной жизни на землѣ. Правда, теорія развитія обыкновенно пророчествуетъ о печальномъ эпилогѣ развитія: міръ погибнетъ, земля остынетъ, люди вымрутъ, или все завершится какой-нибудь иной катастрофой. Но человѣчество, допуская такой конецъ земли, издавна признало, что онъ не уничтожаетъ смысла цѣлесообразной дѣятельности, что эта дѣятельность можетъ достигнуть своей цѣли въ иномъ мірѣ или что и этотъ міръ можетъ быть преобразованъ такъ, что будетъ отвѣчать цѣлямъ дѣятельности человѣчества. Во всѣ времена у всѣхъ народовъ встрѣчается вѣра въ дѣйствительность или возможность посмертнаго существованія человѣческаго духа. Во всѣ времена встрѣчается существованіе убѣжденія, что идеаль добра, заключающій въ себѣ идеаль благополучія и блаженства человѣчества, можетъ быть осуществленъ. Нетрудно относительно этого идеала доказать два положенія, что 1) возраженія противъ него не имѣютъ неоспоримой силы и 2) что только при вѣрѣ въ осуществленіе этого идеала возможна разумная жизнь.

Говорятъ, что рядомъ съ закономъ о взаимопомощи всегда необходимо будетъ стоять законъ борьбы и взаимопожиранія. Но на самомъ дѣлѣ законъ пожиранія твари тварью даже при настоящемъ порядкѣ вещей есть не необходимый законъ. Что касается до человѣка, то онъ, конечно, легко могъ бы обойтись безъ мяса и лишь по жестоковѣрности его ему позволено ѣсть все, какъ зелень травную. Люди, питающіеся преимущественно пищею растительною, вовсе не слабѣ физически и не менѣе долго живутъ, чѣмъ люди питающіеся преимущественно мясомъ. Люди, совсѣмъ не употребляющіе мясной пищи, наприм. монахи, тоже не являютъ ни примѣровъ болѣзненности, ни краткосрочности человѣческаго бытія. Вообще говорятъ, что употребленіе растительной пищи понижаетъ интенсивность жизни, дѣлаетъ человѣка менѣе энергичнымъ и менѣе способнымъ къ работѣ, но въ отдѣльных случаяхъ это завѣдомо несправедливо. Что же касается до общаго положенія, то имѣющіяся въ наличности статистическія данныя и научныя изслѣдованія не представляются

достаточными для его установленія. Указываютъ, что на нѣкоторыхъ вредно вліяютъ посты, и отсюда дѣлаютъ общее заключеніе, что посты вредно вліяютъ вообще на человѣческую природу, но на всѣхъ вегетарьянцевъ вредно вліяетъ мясо,—какое же заключеніе можно вывести изъ этого факта? Почему неупотребленіе мяса отзывается вредно, это понятно: люди издавна употребляютъ мясо, ихъ желудокъ ослабѣлъ, отвыкъ перерабатывать растительную пищу, и, когда ему приходится имѣть дѣло съ одной пищею растительной, естественно онъ испытываетъ переутомленіе. Но почему употребленіе мяса можетъ сопровождаться вредомъ? Переваривать его вѣдь гораздо легче, чѣмъ растенія? Не представляютъ ли собою вегетарьянцы явленія атавизма? И не будетъ ли благомъ всѣхъ обратиться въ вегетарьянцевъ? Во всякомъ случаѣ должно признать, что человѣкъ можетъ существовать, не убивая живыхъ тварей, вообще можетъ жить и не на счетъ смерти животныхъ. Остаются плотоядные животныя. Ихъ пища—животныя травоядныя. Тигръ не можетъ питаться травою, его желудокъ неспособенъ превратить траву въ животныя ткани, корова можетъ сдѣлать это, въ мясо коровы тигръ получаетъ траву преобразованной такимъ образомъ, что его желудокъ можетъ извлечь изъ нея все полезное для его организма. Неизбѣженъ ли этотъ несчастный посредствующій членъ? Мы не можемъ доказать, что этотъ членъ можетъ совсѣмъ исчезнуть, но мы можемъ показать, что онъ можетъ быть замѣненъ другимъ. Организмъ травоядныхъ не единственная лабораторія, въ которой растенія могутъ обращаться въ пищу, удобопріемлемую для плотоядныхъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ такою лабораторіею является обыкновенная кухонная печка: собака — чисто плотоядное животное—можетъ питаться печенымъ хлѣбомъ и обходится совсѣмъ безъ мяса. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что то, что возможно для собаки, не возможно для другихъ плотоядныхъ. Далѣе, собаку можно научить ѣсть даже яблоки. Въ природѣ есть много растеній, обладающихъ высокою степенью питательности (наприм., кокосовые орѣхи, бананы), и очень можетъ быть, что даже и нынѣшнія плотоядныя легко бы могли перейти на этотъ родъ пищи. Конечно, весь животный міръ не можетъ перейти на растительную пищу,—не могутъ перейти на нее, наприм., животные паразиты, но

самый фактъ ихъ существованія—ненормальность, и современная біологія вообще устанавливаетъ, что паразиты произошли отъ непаразитовъ, и при нормальномъ порядкѣ вещей они, очевидно, или должны возвратиться къ типу первоначальныхъ предковъ или исчезнуть.

То, что не можетъ жить, не причиняя зла другимъ тварямъ, не должно жить. Современный міръ представляетъ намъ явленія борьбы за существованіе и явленія взаимопомощи. Міръ идеальный долженъ представлять лишь явленія второго порядка. Можетъ, быть скажутъ: если не будетъ борьбы за существованіе, то не будетъ нужды во взаимопомощи. Это—неправда. Борьба за существованіе исчезнетъ, но останется стремленіе къ нравственному усовершенствованію и вообще усовершенствованію всестороннему. Взаимопомощь и будетъ заключаться въ томъ, что каждый будетъ содѣйствовать умственному и нравственному возвышенію своего брата.

Должно признать, что идеальный міръ не представимъ для человѣчества въ настоящее время, но людямъ ясно начало пути, которое ведетъ къ этому міру, и ясно, что они могутъ и должны идти по этому пути. Условія жизни улучшаются, и трудъ облегчается, для достиженія цѣлей употребляются средства, причиняющія меньшія страданія. Однако, если представить себѣ, что все это движеніе къ идеальному строю оборвется, путь окажется непройденнымъ и человѣчество въ силу физическихъ условій или отъ иныхъ причинъ пойдетъ назадъ или прямо погибнетъ, то тогда смыслъ прогрессивнаго движенія человѣчества утрачивается. Къ чему начинать строить домъ, если мы твердо знаемъ, что онъ никогда не будетъ достроенъ? Могутъ возразить на это, что человѣчество, если никогда не найдетъ абсолютнаго благополучія, то находитъ и повсей вѣроятности будетъ еще больше находить въ будущемъ благополучіе относительное: разумная дѣятельность, благородныя наслажденія дѣлаютъ человѣку пріятнымъ путь жизни. Пусть съ тѣлесною смертію все кончается для человѣчества, пусть удѣлъ смерти ожидаетъ и все человѣчество, люди получаютъ и будутъ получать въ свой удѣлъ часы счастья, они не имѣютъ никакого права требовать, чтобы вмѣсто такихъ часовъ имъ дана была вѣчность. Въ этомъ разсужденіи упускается изъ вида, каковъ

характеръ счастья, возможный для смертнаго человѣчества? Счастье это—иллюзорно, обманчиво. Счастье—въ разумной дѣятельности, но такая дѣятельность невозможна для человѣка за отсутствіемъ возможности достигнуть разумной цѣли. Наука хочет овладѣть истиною, но эта цѣль недостижима. Человѣкъ никогда не узнаетъ истины. А если онъ не узнаетъ истины, то никогда въ полномъ объемѣ онъ не узнаетъ и того гдѣ и въ чемъ правда. Сердцемъ вѣруется въ правду, но не всѣ вѣрують сердцемъ, многіе ищутъ знаменій, ищутъ доказательствъ и разъ у человѣка нѣтъ безспорныхъ истинъ, то не можетъ быть сдѣлано и безспорныхъ выводовъ о правдѣ. Говорять о благородныхъ наслажденіяхъ, но если на самомъ дѣлѣ человѣкъ — гражданинъ теперешняго міра, и земля есть могила не только тѣлъ, но и всего того, что есть въ человѣкѣ и создается человекомъ, то благородныхъ наслажденій, благородныхъ искусствъ не существуетъ. Пѣсни, музыка, произведенія живописи, зовъ души въ заоблачный міръ, все это—иллюзія, заблужденіе, обманъ. Все благородное, возвышенное, это только видоизмѣненные низшіе инстинкты. Пѣснь соловья и гнусное завываніе кота на крышѣ—это различное выраженіе одного и того же полового инстинкта. Разумный человѣкъ долженъ анализировать свои стремленія и существующіе способы ихъ удовлетворенія, и анализъ вскроетъ, что всѣ его стремленія въ своей основѣ управляются инстинктами сохраненія и продолженія рода, что инстинктъ, побуждающій къ добру, есть въ сущности инстинктъ выгодной для него общественности (я—тебѣ, ты—мнѣ), что стремленіе къ истинѣ въ основѣ есть инстинктъ, побуждающій пріобрѣтать знанія полезныя для сохраненія и продолженія рода, что стремленіе къ красотѣ есть стремленіе къ формамъ, съ которыми безсознательно ассоціировалась польза или вообще къ формамъ, возбуждающимъ пріятныя ощущенія въ нервахъ. Во всемъ этомъ нѣтъ смысла, нѣтъ благородства, нѣтъ разумности. Но вся дѣятельность человѣчества носитъ на себѣ печать разумности. И чѣмъ болѣе живетъ на землѣ человѣчество, тѣмъ болѣе дѣятельность его становится разумною, тѣмъ болѣе прямою дорогою она направляется къ идеаламъ. Полное осуществленіе этихъ идеаловъ возможно лишь при допущеніи, что удѣломъ человѣчества будетъ вѣчность и что участниками этой вѣч-

ности будутъ всѣ люди, т.-е. что каждый человѣкъ безсмертенъ. Къ этому приводитъ и идея единства человѣческой природы—поколѣній прошедшаго и поколѣній будущаго, къ этому приводитъ практическое требованіе справедливости.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.
